

которых историк русской литературы, несомненно, остановится с пристальным вниманием, покажет будущее — надеюсь, близкое. Ибо уже наступает время итогов.

Распространено мнение, будто нет ничего легче критики. Да. Легка плохая критика, но хорошая критика, на самом деле, еще «труднее» хорошей беллетристики. Разве много было у нас критиков?

Именами выдающихся беллетристов можно исписать целую страницу. А критиков раз-два и обчелся. Кого из критиков читают? Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского — и то не все, тома Михайловского — и тоже далеко не все. А Измайлова читают и будут читать. В нем жил и останется жить в его критических произведениях глубокий литературный темперамент, и сколько таланта в его статьях, книгах, в каждой его любовно обточенной и огнем любви и понимания согретой литературной фразе!

Еще слишком свежа могила Александра Алексеевича, еще слеза набегаёт на глаза и застилает строки... Еще трудно сказать то настоящее, что хотелось бы посвятить памяти нашего друга. Александру Алексеевичу надо было бы воздвигнуть первым делом даже и не такой памятник, как литературная панихида: надо было бы издать все его сочинения... Какого другого бессмертия, более действительного и яркого, достоин русский писатель?

Прости, дорогой Александр Алексеевич, благородный и незабвенный друг, достойнейший из достойных, что мы пока бессильны исполнить этот священный долг русского общества.²

¹ Имеется в виду издание: *Измайлов А. А. Чехов. 1860–1904: Биографический набросок*. М.: Тип. Т<оварищес>тва И. Д. Сытина, 1916.

² Последний абзац перечеркнут. Слева на полях вписано: «Биографию Измайлова следовало бы написать и издать».

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-168-173

© Н. Ю. Грякалова

К РАЗРЕШЕНИЮ ОДНОГО ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО КАЗУСА (НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО А. А. БЛОКА К Д. Н. ФРИДБЕРГУ)

В девятой записной книжке А. А. Блока (сентябрь–октябрь 1904 года), на развороте л. 12 об. и 13, находится следующий стихотворный набросок:

Веселимся, кружимся,
Хороводом тешимся —

Мальчики да девочки,
Ясные звездочки.¹

Красное солнце!
Глянь-ка в оконце!

¹ Первоначально набросок начинался с незавершенного варианта двустишия: «Девочки, мальчики, / Ясные звездочки. // Кружимся». Инициальные строки, оставшись таковыми, позже перейдут в стихотворение «Вербочки» (1–10 февраля 1906): «Мальчики да девочки, / Свечечки да вербочки / Понесли домой» (Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2. С. 73; далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы).

А в оконце — глянь-ка,²
 Мамка да нянька!³
 Белая хатка,
 Смуглая солдатка!

Старшая сестрица
 Дай-ка нам водицы⁴

Эй вы ребятки,
 Врозь во все лопатки!⁵
 Скидавайте шапки

Нянька⁶ то —
 Старшая сестрица⁷

Без последних двух строк и с упорядоченной пунктуацией он был опубликован в четвертом томе 12-томного Собрания сочинений поэта как завершенное стихотворение, извлеченное из записных книжек.⁸ Пополнив корпус законченных стихотворных текстов, оно впоследствии включалось В. Н. Орловым и в Полное собрание стихотворений Блока в двух томах,⁹ и в хрестоматийный восьмитомник.¹⁰ И только в процессе подготовки академического Полного собрания сочинений и писем, при дифференциации законченных и незавершенных блоковских текстов, была отмечена немотивированность подобного решения, о чем в преамбуле к т. 4 (Стихотворения, не вошедшие в основное собрание) сказано: стихотворение «Веселимся, кружимся...» «явно не закончено: оно имеет набросок продолжения, не учтенный Ивановым-Разумником» (4, 385). В своем новом текстологическом статусе оно было включено в состав т. 11 (раздел «Незаконченные стихотворения и наброски»).

Однако было бы несправедливо возлагать ответственность за текстологическую ошибку на Иванова-Разумника, проделавшего, как известно, колоссальную работу по освоению архива Блока и подготовке рукописей стихотворных текстов, включая подробное описание их истории, для 12-томного собрания сочинений.¹¹ К тому же существует собственное признание критика, уже опального и потому скрывшегося под псевдонимом: «В четвертом томе „Собрания сочинений“ Александра Блока имеется отдел „Для детей“, в котором находятся одиннадцать стихотворений 1904–1912 годов.

Собственно говоря, этих стихотворений должно быть только десять, предназначенных самим Блоком для этого отдела и напечатанных им при жизни; одиннадцатое стихотворение „Веселимся, кружимся“ (помещенное в отделе вторым) внесено в отдел *волею издательства* из записной книжки А. Блока и вовсе не предназначалось им для

² Незачеркнутый вариант: глядь-ка,

³ Ниже записан вариант: тятка

⁴ Ниже в скобках записан вариант: (напиться!)

⁵ Было: *а. начато*: Эй вы

б. Ну-ка вы ребятки

Врозь во все лопатки!

⁶ Далее начато и густо зачеркнуто начало слова или предлог.

⁷ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 12–13 об.

⁸ Блок А. Собр. соч.: В 12 т. [Л.:] Издательство писателей в Ленинграде, [1932]. Т. 4. С. 217–218.

⁹ Блок А. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Вступ. статья, ред. и прим. Вл. Орлова. [Л.], 1946. Т. 2. С. 192, 195.

¹⁰ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 315.

¹¹ Подробно эта сторона деятельности основоположника блоковской текстологии освещена во вступительной статье А. В. Лаврова к публикации переписки Блока с Р. В. Ивановым-Разумником (Лит. наследство. 1981. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 2. С. 382–384).

печати».¹² Более того, оно так и осталось в набросках, поскольку работа над ним была прервана по ряду причин, и к этому тексту Блок больше не возвращался, хотя, как уже было отмечено, отдельные его элементы были «использованы» им в дальнейшем.

Окончательно разрешить текстологический казус позволяет неизвестное письмо Блока к Д. Н. Фридбергу от 12 сентября 1904 года, обнаруженное нами в фонде В. Н. Орлова в РГАЛИ вместе с еще двумя посланиями к тому же адресату; к ним приложен автограф стихотворения «Колыбельная песня».¹³ Они относятся к осени 1904 года (сентябрь–октябрь), периоду дружеского общения Блока с товарищами по Петербургскому университету и студенческому литературному кружку — Дмитрием Фридбергом (1880–1961) и Леонидом Семеновым (1880–1917).¹⁴ Письма вложены в двойной лист большого формата, на лицевой стороне отметки, принадлежащие В. Н. Орлову:

Ал. Блок

Три письма Д. Фридбергу

1. 12 сентября 1904 г.
2. 17 сентября 1904 г. (открытка).
3. 8 октября

Получены от Дм. Наум. Ефимова (Фридберга)
20.VI.1935.¹⁵

Скорее всего, блоковские письма были переданы исследователю творчества поэта при личной встрече: в той же единице хранения находится конверт с надписью зелеными чернилами рукой Фридберга: «Письма А. А. Блока», в левом верхнем углу которого отмечено: «от Фридберга-Ефимова, Д. Н. 20.VI.1935. Вл. О<рлов>».¹⁶ Оставляя на будущее подробный обзор материалов, поступивших от адресата Блока и отложившихся в архиве литературоведа, как и текстуально зафиксированной здесь же информации, приведем только первое письмо, принципиально значимое для нашего сюжета.

Милый Дмитрий Наумович.

Я еще не начинал хоровода, лучше совсем бросить его. Я брошу. Вот солдатская песня Брюсова (на след. стр.).

¹² Корсаков Р. <Иванов-Разумник Р. В.>. Стихи А. Блока для детей // Детская литература. 1940. № 11–12. С. 79. Курсив мой. — Н. Г.

¹³ В «Перечне несохранившихся и неразысканных писем А. А. Блока», составленном В. Н. Орловым (подпись: Вл. Орлов), они отсутствуют. См.: Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог / Под ред. В. Н. Орлова. М., 1975. Вып. 1. Письма Александра Блока. С. 473–480. Три новонайденных письма будут включены в корпус блоковского эпистолярия и опубликованы в т. 15 Полного собрания сочинений. Из писем Фридберга к Блоку известно только одно (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 440; архивная датировка: 16 мая 1907 года).

¹⁴ См.: Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В. Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. [Вып.] IV. С. 67–68; Иванова Е. В. Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С. 198–212. Биографические сведения приведены: Фридберг К. Д., Эльзон М. Д. Ефимов (до 1918 Фридберг) Дмитрий Наумович // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 281–282; Баевский В. С. Семенов, Семенов-Тянь-Шанский Леонид Дмитриевич // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 553–555. О Фридберге, его сближении с ранними символистами, вхождении в круг Мережковских и «Нового пути» см.: Лит. наследство. 1991. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. (по указ.); Минц З. Г. А. Блок в полемике с Мережковскими // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 143–144; Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб., 2017. Кн. 2. Е. П. Иванов. Воспоминания о Блоке. Статьи. С. 371, 380, 385; см. о нем также: Райков Б. Е. На жизненном пути. Автобиографические очерки: В 2 кн. СПб., 2011. Кн. 1. С. 200–201, 237, 327, 519.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 6.

Непременно приходите вечером до 20 сентября. Как бы нам сговориться с Вами и с Л. Д.? — Если Вам ничего, я сговорюсь с ним, и назначим какой-нибудь день на этой неделе? Он хотел прийти и верно будет свободен.

Напишу вам заранее, если будет неудобно, — переменим.

Ваш Ал. Блок.

Если увидите В. А., кланяйтесь ему от меня, пожалуйста.

12 сентября 1904 г.

Спб.

Из текста письма — по упоминанию в нем «хоровода» и (под инициалами) Л. Д. Семенова и В. А. Тернавцева, а также «Солдатской песни» В. Брюсова — реконструируются и обстоятельства, его сопровождавшие. Именно в это время В. А. Тернавцев, религиозно-общественный деятель, один из инициаторов диалога Церкви и интеллигенции и организаторов (совместно с Д. С. Мережковским, В. В. Розановым и Д. Ф. Filosoфовым) петербургских Религиозно-философских собраний,¹⁷ где такой диалог стал возможен, на тот момент — чиновник Святейшего Синода (с начала 1906 года — чиновник по особым поручениям канцелярии Обер-Прокурора Синода по отделу образования), курировал разработку новых учебников для начальных классов народных (церковно-приходских) школ. Это предполагало отбор текстов классической литературы, их переложение и адаптацию, включение дидактического материала и, кроме того, поиски возможностей обновления канонического репертуара поэзии для детей. К реализации этой задачи он и привлек молодых поэтов, близких кругу Мережковских и разделявших взгляды адептов «нового религиозного сознания» — Семенова и Фридберга, заинтересованных и в росте популярности, и в литературном заработке. Их имена были анонсированы в редакционном предуведомлении к учебным пособиям — «Букварю»¹⁸ и «Книге для чтения»,¹⁹ выходявшим под общим заглавием «Наша школа».

Естественно, в орбиту внимания Тернавцева был вовлечен и Блок. Приглашение к сотрудничеству в образовательно-просветительском проекте было передано Блоку через Фридберга при личной встрече 31 августа 1904 года. Содержание беседы Блок подробно изложил в письме к матери от 2 сентября: «31-ого вдруг пришел перед завтраком Фридберг по делу от Тернавцева, который издает букварь для народных школ (разойдется в десятках тысяч экз<емпляров>, если будет принято) — трехтомный, совсем по-новому, — для развития и облагоражив<ания> вкусов? Там много стихов, и он просит меня написать что-то вроде колыбельной песни. Обещает очень хорошо заплатить и пригласил для разговоров. Пойду к нему завтра, он объяснит лучше Фридберга (понятнее)».²⁰

¹⁷ Доклад В. А. Тернавцева «Русская церковь пред великою задачей», с которым он выступил 29 ноября 1901 года на первом заседании Религиозно-философских собраний, открывал публикацию «Записок петербургских Религиозно-философских собраний» в журнале «Новый путь» (1903. № 1). Блок обратил внимание на данное выступление, прочитав его с карандашом в руках, см.: Игошева Т. В. Блок и доклад В. А. Тернавцева «Русская церковь пред великою задачей» // Игошева Т. В. Ранняя лирика А. А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М., 2013. С. 95–100. Ср. его замечание в письме к Л. Д. Менделеевой от 27 декабря 1902 года в связи с выходом нового журнала: «Думаю, что журнал очень интересный. Нравится ли Тебе и что именно? Занятен Тернавцев» (Лит. наследство. 1978. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене / Вступ. статья и комм. Вл. Орлова. С. 98).

¹⁸ «Рассказы и статьи, помещенные в этой книге, написаны вновь. Ближайшее участие в этой работе принимали следующие лица: М. А. Тернавцева, Л. Д. Семенов, Влад. Вас. Успенский и Вас. Вас. Успенский» (Тернавцев В. Наша школа: Год первый. Букварь и первое чтение. СПб.: Училищный Совет при Святейшем Синоде, 1906. С. <III>).

¹⁹ «Большинство рассказов и статей, помещенных в оглавлении без имени автора, составлены вновь. Ближайшее участие в этой работе принимали следующие лица: М. А. Тернавцева, Вас. Вас. Успенский, Влад. Вас. Успенский и Дм. Наум. Фридберг» (Тернавцев В. А. Наша школа: Год второй. Книга для чтения. СПб.: Училищный Совет при Святейшем Синоде, 1905. С. <I>).

²⁰ Письма Александра Блока к родным. Л., 1927. Т. 1. С. 127.

Это был первый опыт Блока в написании стихов «на заказ», и в следующем письме к матери (после 3 сентября), уже после очного обсуждения предложения, он выражал сомнение в успехе: «Много интересного с Тернавцевым говорил, не знаю, что выйдет из стихов на заказ».²¹ Таким образом, кроме «хороводной», в истории отношений с редакцией «Букварь» появляется еще и заказ на песню в другом жанре — колыбельной. Работа над ней, не столь и простая, отражена в той же записной книжке № 9, где на л. 23 об. — 25 об. расположены черновой набросок и первоначальная редакция будущей «Колыбельной песни» («Спят луга, спят леса...»), доведенной до финала 25 сентября 1904 года.²² Однако в «Букварь», для которого писалась (ср. помету: «Для букваря» в рабочей тетради № 4), она принята не была, а была опубликована позже в детском журнале «Тропинка» (1906. Июнь. № 11), а затем включена Блоком в сборник «Сказки. Стихи для детей» (1913).²³

А что же «хоровод»? Едва начав разработку поэтического замысла, Блок получил уведомление издательской комиссии об отказе от первоначальной договоренности: в письме от 11 сентября 1904 года (за подписью «М. Ф.») автора информировали о решении Училищного совета при Святейшем Синоде не печатать «хороводной песни» и рекомендовали оставить работу над ней.²⁴ Чем было мотивировано подобное решение, неизвестно, возможно, сторонники «модернистских веяний» оказались в меньшинстве. Кстати, стихотворение В. Брюсова «Солдатская» («Так-то, братцы, и с Китаем...») из сборника «Urbi et Orbi» (1903; раздел «Песни»),²⁵ список с которого был послан Блоком при его письме к Фридбергу для формирования редакторского портфеля, также не было опубликовано в рассматриваемых учебных пособиях. Если оно, не лишенное ангажированности политическим моментом, и могло быть признано не соответствующим целевой аудитории — учащимся начальной школы, то совершенно непонятно, по какой причине было отклонено подходящее по всем параметрам стихотворение «Детская» («Палочка-выручалочка...»), направленное Блоком Тернавцеву при письме от 13 октября 1904 года с постскриптомом: «Прилагаю „детскую“ песенку Брюсова, о которой Вы говорили».²⁶ В «Книгу для чтения» было включено только стихотворение Брюсова «На колокол» — такое название получил текст — все из того же раздела «Песни» — «Сборщики» («Пожертвуйте, благодетели...»), имитирующее распев стиха странствующих сборщиков на церковные колокола:

Пожертвуйте, благодетели,
На новый колокол —
Глас Господень.
Звон колокольный
С напевом ангельским
Дивно сходен.²⁷

Это было единственное стихотворение поэта-символиста, опубликованное под патронатом Святого Синода.

²¹ Там же. С. 129. Два письма Блока к Тернавцеву, относящиеся к данному сюжету, были приведены (без обращения, подписи и постскрипума) Ивановым-Разумником в указанной выше статье (Детская литература. 1940. № 11–12. С. 81). Их местонахождение в настоящее время: ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 55.

²² Автограф первоначальной редакции стихотворения Блока сохранился среди материалов, переданных Фридбергом В. Н. Орлову (РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 7), однако остался неизвестен составителям Полного собрания сочинений и писем Блока.

²³ История текста подробно представлена в Полном собрании сочинений и писем (4, 349–352; комм. на с. 588–589).

²⁴ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 1.

²⁵ Раздел «Песни» был структурирован следующим образом: I. Фабричная. II. Фабричная. III. Детская. IV. Солдатская. V. Сборщики. VI. Девичья. VII. Веселая.

²⁶ ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 55. Л. 1 об.

²⁷ См.: Тернавцев В. А. Наша школа: Год второй. С. 106–107. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым и Я. В. Вейнбергом («Песня сборщиков»).

Присмотримся теперь к микроконтексту — текстуальным элементам, непосредственно примыкающим к блоковскому наброску «Веселимся, кружимся...». На предшествующем ему листе (л. 12) имеется стихотворный набросок, формально и содержательно с «хороводом» не связанный:

Еще прозрачней станешь ты.
Еще бессмертней стану я.
[Кружись и ты — зажги цветы —]
Залог кружащейся мечты —²⁸
Душа последняя моя.

Однако обозначенная в нем тема кружения могла стать импульсом (возможно, бессознательным) к выбору для написания именно хороводной песни — напомним о ключевой роли глагола «кружимся» в вариантах инициальных строк рассматриваемого наброска.

Обращает на себя внимание расположенная над наброском «хоровода» и отчеркнутая от него запись, впоследствии зачеркнутая несколькими косыми линиями: «Сборщики Брюсова», что отсылает к соответствующей «песне». Эта маргиналия была проигнорирована предшествующими поколениями текстологов, а в новейшем издании записных книжек прочитана как «Сборник Брюсова» (13, 157).²⁹ Однако вводимые в научный оборот неизвестные ранее эпистолярные материалы меняют и режим чтения текста, и парадигмы его интерпретации. Резонно предположить, с учетом реконструированного контекста, что Блок мог рекомендовать «Сборщиков» Тернавцеву, подобно другим брюсовским «песням». Известно, что сборник Брюсова «Urbi et Orbi», став для Блока настоящим откровением, был им дважды прорецензирован (см.: 7, 139–141 и 141–144), в свет вышла — летом 1904 года в журнале «Новый путь» — только вторая, более развернутая и комплиментарная рецензия. Восхитившись «разнообразием брюсовской музыки» и выделив контрапункт книги — лозунг „memento vivere“,³⁰ рецензент обратил внимание и на раздел «Песни», в частности на две «фабричные» (7, 143). Обращение Брюсова к образцам новейшего фольклора в форме стилизации «наивной» поэзии воспринималось Блоком в контексте брюсовского урбанизма, как часть общей картины современной жизни и ее обостренного восприятия — феномен, который И. Анненский назвал «современной чувствительностью». Кроме того, для Блока, экспериментировавшего в данный период со стихотворными формами, были существенно важны открытия в области стихосложения. В своем отклике на программный сборник «мэтра» Блок не преминул отметить его новации в этом направлении: «Надо заметить, что Брюсов не обременяет читателя не только вариантами одного содержания, но избегает повторений и в размерах. Достаточно указать, что в книге, состоящей из 96 стихотворений, употреблено более 40 разных размеров. При этом некоторые из них (vers libre) усвоены русским стихосложением впервые» (7, 141).

В своем раннем опыте фольклорной стилизации — поэзии «детской», или «наивной», каковой была его «хороводная», Блок избрал ориентиром брюсовские «Песни». Попытка, как мы видели, не удовлетворила поэта, и он оставил свой замысел. Блок больше никогда не возвращался к этим наброскам и, конечно, не считал текст «Веселимся, кружимся...» законченным, почему и не внес его в план предполагаемой книги стихов «Для детей».³¹

²⁸ Было: В залог кружащейся мечты —

²⁹ То есть «Urbi et Orbi», как отмечено в комментарии.

³⁰ помни о жизни (лат.)

³¹ План, составленный 19 августа 1918 года в рабочей тетради № 9, был опубликован Ивановым-Разумником, см.: Корсаков Р. <Иванов-Разумник Р. В.>. Стихи А. Блока для детей. С. 79.